

В. Н. ИЛЬИН

**Свящ. П.Флоренский.
«Столп и утверждение Истины»**

(Париж, 1930)

При совершенно необычных обстоятельствах выходит в свет второе издание одного из замечательных произведений русской философско-религиозной мысли. Начало XX столетия для России означает своеобразный духовно-культурный ренессанс. Начался всесторонний и бурный расцвет российского Космоса и сразу же поднялся на головокружительные высоты. С этих высот открылись безбрежные горизонты, но стали видимы и бездонные провалы, откуда веяло тлетворным холодом, странно смешивавшимся с тропической испариной. Все это значит, что для русского духа наступила пора гностических умозрений. Диалектика западного нигилизма и славянофильского организма, столь отчетливо давшая себя знать в половине XIX века, отступила на задний план, и вместе с ней отступила на задний план и философия истории. И поэты, и прозаики, и философы — все с жадностью набросились на гносис. Это вполне понятно, ибо гениальность русского духа в этой сфере была безмерна, а препятствия к ее обнаружению постоянно давали себя знать и были большей частью грубы и непреодолимы. Официальная казенная синодальщина, плоские революционные материализм и позитивизм, ясные и отчетливые перспективы славянофилов, подчас несомненно протестантовидного характера, — все это не могло способствовать расцвету гносиса. Но могучая почва для него уже была создана. Сюда входят натурфилософская метафизика Тютчева и Фета, трагическая философия Достоевского и своеобразный философский романтизм (и романизм) Вл. Соловьева, впервые поставившего, хотя и чрезвычайно соблазнительно, великую софиологию

ческую тему. К этому надо присоединить чрезвычайно характерный для русской почвы коллективно-литургический прагматизм Н. Ф. Федорова¹. Из этой могучей почвы и выросли А. Блок, Вяч. Иванов, В. В. Розанов, В. А. Тернавцев², Н. А. Бердяев, о. С. Булгаков и о. П. А. Флоренский. При всем громадном различии и разнообразии этих титанов русского ренессанса их роднит одна общая черта. Все они — гностики.

Догматический гносис — вот основная тема главного произведения о. П. Флоренского «Столп и утверждение Истины». Подзаголовок — «Православная теодицея» — осуществлен вполне и оправдан до конца. В самом деле, внимательный читатель этого произведения сразу чувствует: несмотря на огромную энциклопедическую ученость, ее автор дышит и живет святоотеческим духом. Впрочем, даже не так: еще лучше будет сказать, что весь энциклопедизм «Столпа» концентрирован и обоснован на Священном Писании и святоотеческой литературе. В этом и только в этом смысле, пожалуй, можно признать его связь с тем крылом славянофильства, которое представлено И. В. Киреевским. Как внутренняя, так и внешняя манера, стиль всего произведения очищены от казенного елеса. Правда, в стиле наблюдается некоторая манерность и даже кое-где барокко. При всем том язык в общем прекрасен и изложение вполне прозрачно, несмотря на чрезмерную сложность диалектики и обилие материала.

К числу положительных сторон «Столпа» надо еще отнести и отсутствие искусственной школьной системности. Эта системность сплошь и рядом превращала даже и не совсем плохие произведения западного и восточного богословия в письменные ответы первого ученика. Для настоящей, подлинной системы время еще не наступило, и для православия, даст Бог, быть может, и не наступит, ибо это означает прекращение творчества. В этом смысле, пожалуй, «Столпу» можно было бы дать такой подзаголовок: «Основные проблемы православной теодицеи». Проблемы эти следующие: 1) Два мира, 2) Сомнение, 3) Троиединство, 4) Свет Истины, 5) Утешитель, 6) Противоречие, 7) Грех, 8) Геенна, 9) Тварь, 10) София, 11) Дружба, 12) Ревность. Эти двенадцать проблем и трактуются в двенадцати письмах «Столпа». Хотя проблемы расположены и не в том порядке, как бы этого требовал, на первый взгляд, здравый смысл, все же связь между ними чрезвычайно прочна, естественна и органична, за исключением, быть может, последних двух. Через все произведение проходит идея антиномизма, и уже она одна создает атмосферу напряженнейшего и острого интеллектуализма и густо насыщенной плотяности. Быть может, никто так остро не чувствует оккультной про-

блематики, как гениальный автор «Столпа». Это с особенной остротой сказывается в «Грехе», «Геенне», «Твари» и «Софии». Таким свойством богословского гносиса о. П. Флоренского в высокой степени содействует его огромный математический талант и великолепная естественно-научная школа. В основу всего произведения положена высшая металогика единосущия (омоусии). Эта металогика в связи с высшей логикой антиномизма и оккультным ясновидением делают интеллектуализм и натурфилософию о. П. Флоренского жесточайшим врагом рационализма и натурализма. Металогический интеллектуализм и трансцендентная натурфилософия о. П. Флоренского, подобно двум крылам, держат его на поверхности самых страшных, зыбких трясин, по которым он идет, впиваясь в их глубины своим ясновидящим взором. Есть в этом отношении у него сходство с одним великим средневековым мыслителем, именно с Альбертом Великим (*Doctor universalis*). Не только аскетам и подвижникам, но и мыслителям приходится шествовать путем «темной ночи» (пользуемся выражением Иоанна Креста³). Но и у тех и у других путеводителем является вифлеемская звезда, те и другие идут к заре невечернего дня. Блики несозданного солнца лежат на лучших страницах «Столпа», и на них отдыхает сознание, томимое антиномической трагедией⁴ и оккультными туманами. Идя подчас страшным познавательным путем, о. П. Флоренский исследует черные глубины, но никогда не отвечает на их зазывания. Православная белизна никогда не перестает светить ему — вот почему его гносис увлекает, но не завлекает. Этим также объясняется то очистительное дело, которое произвел этот мыслитель-богослов в учении о Софии. Можно сказать, что оно им создано наново.

Свойства богословско-философской индивидуальности о. П. Флоренского отразились и на характерных недостатках «Столпа». Подобно всем интеллектуалистам, он начинает с сомнения, хотя с сомнения начинать нельзя. Чтобы сомневаться, нужно иметь то, в чем сомневаешься. В этом искусственность позиции картезианства и вообще всякого идеализма. Этой неправославной струи в русском мышлении о. П. Флоренский не преодолел. Другой недостаток, связанный с недоговоренностью и недоделанностью учения о Софии, заключается в отсутствии основательной постановки проблемы свободы⁵. Впечатление получается даже такое, словно софиология вытесняет проблематику свободы, и упреки в этом смысле, делаемые Н. А. Бердяевым софиологии о. П. Флоренского, совершенно основательны.

Прошло 16 лет со времени первого издания «Столпа». Эти годы стоят добрых двух веков петербургского периода. Противосто-

ственным насилием войны и революции гальванизированы в безобразных, нелепо больших размерах разложившийся труп материализма и пошлое лжемудрие марксистской историо-а-софии. Черная реакция оказалась достойной красной акции, и обскурантизм первой сейчас до конца слился с обскурантизмом второй. В этом страшный суд истории. И ненависть к Флоренскому, вспыхивающая в самых неожиданных местах, является знаменем единого обскурантистского фронта в обступившей ныне человечество «черной ночи».

